Мироходцы. Пустота снаружи

Автор:
Илья Крымов

Мироходцы. Пустота снаружи

Илья Олегович Крымов

Бесконечны миры Метавселенной, и бесконечны дороги, объединяющие миры, разбросанные в великой Пустоте. Мироходцы отважно следуют теми дорогами из мироздания в мироздание – под разноцветными солнцами, по сферическим, плоским и пирамидальным планетам, расчищая себе путь мечом, магией, бластером или выгодным коммерческим предложением. Воистину нет работы более опасной и более увлекательной, чем мироходец, но не из всякого храбреца может выйти подобный профи. Бывает, однако, судьба отправляет в путь тех, у кого нет выбора, готовя им опасные каверзы на каждом шагу и подразнивая тонкой ниточкой, которая может спасти от гибели. Эти несчастные выживают обычно лишь чудом или благодаря великой удаче, но зато их злоключения самые интересные.

Офицер сверхдальней разведки мира Басилптеста – отважная Миверна Янг просто хочет отыскать путь домой и не привести на хвосте орду межмировых завоевателей; земляне Владимир и Кузьма отправляются вместе с ней, стремясь помочь, но на каждом шагу убеждаясь, что шатания по мирам – дело весьма нелегкое. А тем временем великий мироходец Каос Магн, убийца богов и демонов, Тринадцатый страж Великой Оси, начинает собирать силы для некоего предприятия, грандиозного… и пугающего.

Илья Крымов

Мироходцы. Пустота снаружи

Тщетны поиски истины, коли та служит оковами.

Нунн

Фрагмент 1

Владимир и его повседневность

Противно запищал мобильник, вырывая из тяжелого сна, и Владимир на ощупь попытался вдавить кнопку отбоя, но вместо этого неловко смахнул прибор под диван. Отличное начало дня.

Все так же не разлепляя век, мужчина нашарил ступнями тапки и зашаркал в туалет. Через десять минут он уже чистил зубы, разглядывая щетину на подбородке и задумываясь о том, куда опять подевалась бритва. Впрочем, скоро, под напором аромата гранулированного кофе, эта мысль покинула голову.

На компьютерном столе утвердилась чашка самого популярного легального наркотика в мире и тарелка с бутером, где вместо масла была подсоленная сметана. Загудел системник, ожил монитор, и Владимир поерзал в старом, но очень удобном кресле, надкусывая хлеб.

Как всегда, первым на рабочий стол выскочило окно торрент-трекера, а затем предупреждение об истечении срока работы бесплатного антивирусника. Осталось два дня. Почесав щеку, Владимир предпринял над собой героическое усилие – вбил адрес одного из своих почтовых ящиков и нажал на «OK». Все. Наконец-то эти дурацкие плашки прекратят всплывать.

Новостная лента Яндекса не поражала оригинальностью: какой-то политик из Прибалтики опять назвал Россию главной угрозой цивилизованному миру – неинтересно; в Сети появились фото с очередной обнаженной знаменитостью, ею же и сделанные, – скучно; какие-то массовые митинги – не его проблема; скончался еще один старый советский актер – жаль, но жизнь остального человечества продолжается; очередной батюшка, правя «майбахом», наехал на пешехода – обыденность. Так как курсы валют его тоже не интересовали,

Владимир открыл почтовый ящик.

Нужное письмо он составил еще вчера вечером, тогда же и прикрепил к нему файл с готовой работой, но золотое правило диктовало терпеливость. То, что кажется тебе отличным рисунком вечером, – утром может оказаться редкостной фигней.

Раскрыв файл, Владимир внимательно рассмотрел содержимое и, в очередной раз подивившись, за что только заказчики не готовы платить наемному художнику, отправил работу в путешествие по Сети.

Можно было бы вернуться на рабочий стол и раскрыть другой файл – с незаконченным скетчем, отправить набросок другому заказчику, дабы получить его мнение и продолжить работу, но прежде…

– А, черт, – вздохнул художник, разглядывая пустую пачку «Донского». – Перерыв.

Выходя из подъезда в то весеннее утро, он ожидал увидеть пасмурное небо, но, наверное, погоде тоже надоела вся эта серость и она решила порадовать человеков солнышком. Это воодушевляло. Как и то, что до ближайшего «Магнита» было меньше двух минут ходьбы. Кто-то там говорил о программе строительства храмов шаговой доступности, но «магнитики» в этом отношении заставляли РПЦ глотать пыль у обочины дороги жизни.

– Владя, есть курить?

С лавки поднялся высокий тощий парнишка неопределенного возраста с большими очками на носу. Он всегда ходил, высоко задирая голову и не закрывая рта, но никто не обращал на это внимания, потому что дворовому дурачку простительно.

– Паша, друг, прости, закончились. Как раз хотел пойти купить, но еще надо на почту заскочить. Как дела? Как мама?

– Хорошо. Владя, когда дашь курить?

– В следующий раз, Паш, в следующий. Сейчас нет, прости.

Этим «в следующий раз» Владимир кормил Пашу уже несколько лет, и паренек не прекращал верить, хотя, конечно, заветной бумажной трубочки, начиненной ядом, ему было не видать.

Продавщицу на единственной работающей кассе Владимир знал в лицо, как и она его. Художник находил несколько печальным и ироничным то, что девушка, носившая на форменном жилете знак, агитировавший за запрет курения, была вынуждена работать, имея над головой огромный закрытый стеллаж, начиненный сигаретами. И что ее работа подразумевала их продажу. Владимиру всегда было немного неуютно и будто бы даже стыдно, когда она пробивала его блоки, учитывая, что не далее чем полгода назад ее отец умер от рака горла. Да, да, из-за сигарет.

Вернувшись в свою однушку, он решил все же нормально позавтракать, и вскоре на сковороде зашипела тройная глазунья с жареным луком, а чайник выдал кипятку для второй чашки кофе. После завтрака художник вышел на лоджию и закурил. Из комнаты время от времени доносились трели неугомонного будильника.

Владимир всегда выставлял мобилу на десять часов утра, хотя мог бы и не выставлять вовсе. Он работал, как это говорится, на себя и сам решал, каким образом тратить время, когда вставать на работу и устраивать перерывы. Обычно это приводило людей творческого склада к чудовищным приступам болезни «не горит, успею», но Владимир неукоснительно следовал нескольким золотым правилам, помогавшим ему держаться в тонусе, – например, вставал не позже десяти.

Тем не менее способность работать обычно прорезалась не раньше полудня.

Вернувшись в кресло и по привычке крутанув в пальцах стилус графического планшета, художник приступил к работе. Он рисовал на черновых слоях, обрабатывал цифровое изображение фильтрами и масками, разглаживал линии, менял контрастность и постоянно сравнивал результат с более ранними этапами работы. Наконец набросок ушел к заказчику, а Владимир вновь закурил.

Захотелось наведаться в YouTube и проверить, не появился ли новый выпуск «Binging with Babish»[1 - «Переедаем с Бабишем», авторское кулинарное шоу, идущее на одноименном канале на сайте YouTube. – Здесь и далее примеч. авт.]?

Поддиванный горлопан прекратил пищать и перешел на громогласное «Боже, царя храни!», пришлось опуститься на четвереньки и порядком покряхтеть, чтобы добраться до телефона. На дисплее старенького LG GD330 светилось: «Кузя».

– Чего так долго? – первым делом осведомился басовитый голос.

– Телефон под диван упал.

– Это потому что ты – Эдвард Руки-из-Задницы! – сообщил голос и немедленно зашелся радостным хохотом.

– Здоров, Кузьма, – улыбнулся Владимир.

– Добрейшего утреца! Короче, дело к ночи – сегодня все в силе! Собираемся в «Космобольце», звоню, чтобы напомнить.

– Собираемся? – задумчиво переспросил Владимир.

– Не, ну в самом деле, Владик, у золотой рыбки мозга? лучше шевелится, чем у тебя! Собираемся сегодня всей компашкой! Ты еще на прошлой неделе подписался!

– Кажется, что-то припоминаю.

– В восемь! И только попробуй не прийти! Я буду бухать и орать песни под твоим окном до самого утра! Между нами тает лед, твой трупешник никто не найдет!

Художник отложил трубку и с унынием подумал, что придется еще раз выйти из дома сегодня.

Не любил он этого дела – из дома выходить. Опять же придется хорошенько искупаться, побриться и напялить чистое – таково было его золотое правило при

запланированных встречах с друзьями. Но Владимир подбодрил себя мыслью о том, что так было всегда: необходимость встречи с трудом перебарывала лень, однако в итоге радость от общения и хорошо проведенное время утверждали в мысли, что все было не зря.

Остаток дня он рисовал, периодически отвлекаясь на курение, ленту контача и YouTube. Как всегда. Дни Владимира уже давно повторяли друг друга, и в целом это его устраивало.

После обеда позвонила мать, не прекращавшая интересоваться жизнью самого непутевого из тройки отпрысков семьи Ничалиных. Непутевым Владимир оказался, потому что «ну что это за работа – каракули рисовать, иди лучше ко мне во дворец бракосочетаний фотографом». Дорогую родительницу не устраивало почти все в жизненном пути младшего сына, начиная с его места жительства и заканчивая семейным положением. А вернее – его отсутствием. «Вон у Димки уже двое, Светка третьего ждет, и только ты все один как перст!»

– Сынок, ты точно не голубой? Маме можно все сказать!

– Точно-точно, ма, не голубой, проверено эмпирическим методом. Ну все, передавай привет отцу.

Оставив бедную женщину в состоянии легкой фрустрации, художник вернулся к делу. До вечера он успел неплохо поработать, а также проверить свою страничку на «девиантах» и отписаться в «тихуанском» разделе сайта СОК БОА.

До развлекательного центра «Космоболец» художник добирался с пересадками со второй ветки трамвая на четвертый маршрут троллейбуса. Он любил общественный транспорт и даже считал себя «пролетарием» за то, что часто оным пользовался, хотя по факту происходил из мелкобуржуазной семьи.

Прав на вождение Владимир не имел, так как никогда не сдавал на них, и машина ему была не нужна. А тем временем, повисая на поручне или усаживаясь в старое, битое жизнью кресло троллейбуса, он чувствовал приятную расслабленность. Гудящий транспорт вез его к месту назначения, от пассажира ничего не зависело, он пребывал в движении и покое одновременно, а значит, включив в наушниках «Sabaton» или «Powerwolf», можно было на время

абсолютно обо всем забыть. В такие моменты Владимира часто посещало вдохновение.

Друзей у него было, откровенно говоря, немного, да и среди них не всяк являлся другом, в большинстве своем – знакомые и приятели. Однако среди прочих Владимир выделял Кузьму Кузьмича Фомичева, которого знал с детского сада. Вместе они учились также и в школе, ездили на летние каникулы к Кузькиной бабке в Пешково, ходили в художественную школу, делили общие увлечения. Потом Владимир по настоянию родителей поступил в училище – они желали видеть его юристом, но молодой человек был непреклонен и выбрал РХУ, – а вот Кузя к высшему образованию оказался равнодушен. В армию его тоже не взяли, так что друг сразу же приступил к воплощению своей мечты – рисованию комиксов. Спустя семнадцать лет после получения аттестата о среднем образовании он приобрел некоторую славу на просторах Сети как художник и блогер, а в родном городе – еще и как заправский дебошир.

Кузьма являлся гордым носителем огромного бархана мудрости, который прочие неразумные именовали «пузякой»; считая себя убежденным монархистом, он не только наизусть знал гимн Российской империи, но и месяцами не брил кудлатую бороду; в одежде отдавал предпочтение черному, даже в самое летнее пекло, и в общем-то производил впечатление брутальное, хотя был человеком по натуре добрым и почти безобидным.

Рядом с другом, как обычно, пребывала его муза – тире – сожительница, профессиональная косплеерша Алена Левченко в платье белой готик-лоли. Кроме них на встречу подтянулся ядерный металлист Тарас Подрезов по прозвищу Тарас Вырву-Глаз; Анюта Маркелова, «настоящая» художница, не признававшая цифровой живописи; ее воздыхатель галерист Семцович; профессиональный фотограф Азамат Адаев; писатель-фантаст Кирюха Курдин и еще несколько интересных личностей. Небольшая компашка городского «бомонда», как они себя не называли, собралась почти в полном составе.

– Ну здравствуйте, господа арестанты-хулиганы.

– Наконец-то! Отряд в сборе! Все! Легион уходит в бой! Пошли! – скомандовал Фомичев, щелчком отправляя окурок в полет мимо урны.

Шумная компания людей искусства вторглась в пределы развлекательного комплекса и начала развлекаться. Несмотря на то что основной целью набега являлось посещение кинотеатра на верхнем этаже «Космобольца», они не спешили к ней напрямую. Сначала прошлись по огромному ангару, приспособленному под супермаркет, затем пустились гулять по этажам, уставленным ювелирными и одежными бутиками. На покупку тех богатств денег не имелось, но за взгляд их и не требовали. Поднявшись еще выше на беспрерывно работавших эскалаторах, прошерстили многочисленные кафешки, лишь после чего подвалили к кассе кинотеатра.

Разгорелся спор между Кузьмой и Тарасом – первый хотел посмотреть «Призрак в доспехах», чтобы потом подробно объяснить в своем бложике, насколько плох этот фильм в сравнении с анимационным оригиналом девяносто пятого года; второй тянул честной народ на «Время первых», ибо «не совсем помойное кино про советскую эпоху – нынче это редкость, достойная особого внимания». Монархист и коммунист сызнова сцепились, и точку в противостоянии поставил Владимир, как бывало и прежде:

– Сначала посмотрим, как Скарла пляшет в комбезе телесного цвета, – решил он, – потом – как наши деды превозмогают Космос. Хватит вас на два фильма, господа арестанты-киноманы? Погнали.

Через четыре часа порядочно подуставшие и сильно отвыкшие от яркого света художники, писатели, фотографы и музыканты захватили три стола-кабинки в суши-баре «Ронин» и стали дискутировать. Вернее, кто-то дискутировал, а кто-то заливал только что отснятое «первое впечатление» от «Времени первых» на YouTube через местный вай-фай.

– С каких пор в суши-барах подают «Сибирскую корону»? – хмыкнул Владимир, рассматривая стакан.

– С тех же самых, с которых в них появился скоростной инет, – буркнул Фомичев, откладывая смартфон и придвигая к себе стакан. – Знаешь что? Завтра мы едем на рыбалку!

– Ага, – вздохнул Владимир тихо, – на дельту Дона, в Рогожкино.

– Мы с братюней собираемся часов в пять утра выехать и пилить до самого Рогожкина, – не слыша друга, продолжал Фомичев, – на старое доброе местечко. Там тополь кошачий растет, старый-старый, еще батя нас туда возил. Так вот, Владик, завтра ты едешь с нами! Снасти готовы, наживка готова, транспорт готов, осталось только тебя прихватить. И пивандрия. Рад такому сюрпризу в добровольно-приказной упаковке?

Владимир не отвечал, следя за тем, как таяла пивная шапка.

– Владик, ты чего, ушел в астрал? – спросила Алена.

– В атсрал он ушел! – радостно поправил подругу толстяк.

– Хм. Пытаюсь вспомнить, сколько раз уже Кузя меня на эту рыбалку звал… Много.

Фомичев отер усы от пены.

– Нисколько. Этот раз первый. Ты чего?

– Чего-чего. Да ничего! На рыбалку так на рыбалку! Эй, народ, я гонорар получил, всем сушей за мой счет!

– Вот это прикол!

После «Ронина» было еще несколько заведений, по мере заседания в которых ряды служителей искусства редели, и до ночи продержались только самые стойкие. Последним откололся Тарас Вырву-Глаз, которому следующим днем надо было на репетицию группы, так что тащить домой пьяного Фомичева пришлось Владимиру и Алене. Наряд косплеерши порядком пообмялся и стал выглядеть жалко, но своего возлюбленного тяжеловеса она толкала вверх по лестнице с упорством, достойным восхищения. С другой стороны бубнившего матерные частушки блогера тянул друг детства.

– Слушай, Лен, я, конечно, все понимаю, но жэковцы совсем совесть потеряли. Третий год этот проклятый лифт никак не может, ы-эх, воскреснуть из мертвых.

– Нельзя потерять то, чего никогда не было, – натужно выдохнула та, делая новый шаг. – Крепись, солдат, мы почти добрались…

– Опа… опа… зеле-о-о-о-о-ная ограда! Девки…

Затащенный в родную двушку Фомичев был аккуратно сброшен на кровать, где благополучно захрапел. Владимир отказался от предложенного чая и оставил такую же измотанную, как и он сам, Алену, пожелав ей спокойной ночи.

– Завтра специально сниму, как он будет просыпаться с похмелья, чтобы выехать на рыбалку в пять утра, – устало улыбнулась косплеерша. – Спокойной, Владик.

Медленно спускаясь по лестнице, художник искал в карманах пачку «Донского», когда поднимавшийся навстречу человек сильно толкнул его плечом.

– Смотри куда прешь, пе?туч! – рыкнул этот короткостриженый тип, выдыхая облако перегара. – Не у себя дома!

– Прошу прощения, – ответил Владимир спокойно.

Сверкнув на прощанье злобным взглядом, Максим Камнев продолжил подъем на свой этаж. Шестой, как и у Кузьмы. Сегодня он еще немало выпьет.

Владимир спустился во двор девятиэтажки и, потоптавшись недолго, отбыл на луну.

Скорость его полета подразумевала воспламенение плоти от трения о воздух, но Владимир обычно игнорировал некоторые нюансы законов физики, когда выходил на низкую орбиту. Полет до луны протекал несколько минут.
В принципе, можно было переместиться мгновенно, однако он предпочитал «медленный» способ.

Когда его ботинки коснулись лунного грунта, вокруг них плавно поднялись облачка пыли. Определив нужное направление, художник долгими грациозными прыжками двинулся к центру кратера Аль-Баттани С, где находилось место отдыха.

Раскладной деревянный стол для пикников и раскладная табуретка внутри незримого купола, с земным составом воздуха и земным же уровнем гравитации. На столешнице – пепельница. Переполненная. Поморщившись, Владимир отправил пепел и окурки в центр солнца.

Опустившись на табуретку, Владимир закурил и обратил взгляд к Земле. Вид этого голубого шара, наполовину светлого, наполовину темного, успокаивал и вселял надежду. С такой перспективы не были видны все проблемы, терзавшие мир и его население. Идеалистическая картина.

Художник задремал с тлеющей сигаретой в руке.

«Боже, царя храни! Сильный, державный…» – надрывался мобильник, нисколько не смущенный нахождением уж совсем вне зоны действия сети.

Владимир слышал, но не открывал глаз и не шевелился. Сигарета уже давно прогорела до пальцев, ибо прошло несколько часов. Маленький голубой шарик провернулся, и вскоре дома должно было наступить утро. Совсем скоро. Это утро. Опять.

– Алло?

– Владик…

Слова, пропитанные слезами. Опять.

– Алена?

– Кузю убили… Кузю…

– Крепись, скоро буду.

Он вздохнул, оставил окурок в пепельнице и вышел в вакуум.

Вскоре Владимир уже был у себя в квартире, копался в стенном шкафу справа от входной двери. Нужное нашлось в старой сумке от ноутбука – графический планшет фирмы «Genius», модель EasyPen M610, простенькая, дешевенькая, не самая удачная, но вполне подходящая для начинающего художника, не уверенного в призвании.

Собственно, сам планшет нужен не был. Владимир сунул себе в нагрудный карман стилус, похожий на толстую серую ручку, и вышел из дома.

Возле подъезда Кузькиной девятиэтажки стояли три полицейские машины: «уазик» и два «форда»; одна «скорая» и несколько гражданских. Поодаль собралась толпа зевак из этого и соседних дворов, бурно обсуждавшая происшествие, несмотря на такой ранний час.

Алена позвонила не только Владимиру, но он в силу обстоятельств добрался раньше Даниила, брата Кузьмы, и раньше их родителей. На место преступления его не пустили, остановили у входа как постороннего.

– Мне можно, – сказал художник, взглянув стражу порядка в глаза.

– Да, – немедленно изменил тот свое мнение, – вам можно. Проходите.

Следователь уже закончил составлять протокол и брать показания. На лестничной площадке шестого этажа оказалось не протолкнуться, но он прошел свободно. Две открытые двери соседствующих квартир, кровь на полу, выложенном мелкой кафельной плиткой. Ни тебе обведенного мелом контура тела, ни обмотанных сигнальной лентой помещений, все скучно и повседневно.

– Как это произошло? – спросил Владимир, обняв дрожавшую Алену, после того как следователь закончил.

Бо?льшую часть своей жизни Кузьма Фомичев был безобиднейшим человеком, лишь в Сети позволяя себе жечь глаголом. На просторах родного бложика равных ему не было, тиранить и унижать мог кого угодно, однако в реальной жизни слыл вполне неплохим человеком, спокойным и рассудительным, любителем поесть, выпить, посмотреть старое кино на постапокалиптическую тематику, понянчить племянницу. Порой на улице его принимали за священника богобоязненные старушки, и Кузя осенял их размашистым крестным знамением,

попутно благословляя. Что было несколько неправильно с морально-этической точки зрения, зато старушки радовались.

Все несколько менялось под воздействием алкоголя. В злобного урода он Фомичева не превращал, однако делал резче и агрессивней.

В то же время в соседней квартире жил Максим Камнев, неудовлетворенный жизнью разнорабочий, склонный к алкоголизму и повышенной агрессии. Он пил и скандалил всю прошлую ночь, как это часто бывало, вымещая злобу на жене и детях. Пребывавший же в состоянии опьянения Кузьма, проснувшись, заявил, что «хватит это терпеть», и помчался тарабанить в соседскую дверь, выкрикивая оскорбления и вызовы на честный бой.

Бывший десантник Камнев открыл дверь с ножом «Оборотень НД» в руке и нанес несколько быстрых ударов в живот ночного гостя. Скончался художник на месте, до приезда «скорой», там же и задержали его убийцу, ибо тот не пытался скрыться, а вернулся на кухню допивать беленькую, вследствие чего потерял сознание.

– Здесь пока что нельзя курить, – сообщил один из полицейских, когда Владимир, выйдя из квартиры мертвого друга, вытащил пачку «Донского».

– Простите.

Убрав сигареты, он достал стилус и нажал на одну из двух кнопок, тем самым останавливая время во вселенной. Прекратили идти часы; птицы, насекомые и самолеты замерли в воздухе, каждое живое существо, каждый предмет, каждый химический процесс и физическое воздействие – все замерло, став неподвижным холстом. При этом появилось нечто вроде эфемерного интерфейса, рабочей среды графического редактора вроде тех, в которых художник привык работать. Реальность была готова к изменению.

При помощи стилуса выделив место преступления в отдельную рабочую область и сохранив ее дубликат на отдельном слое бытия, Владимир словно бы нажал на кнопку «История», что привело к появлению списка изменений, происшедших на данной рабочей области. Он выделил и удалил все из них с сего момента и вплоть до самого убийства. Фактически художник переместился назад во времени и стал присутствовать в мире двумя экземплярами. Один Владимир

находился в тот момент на луне, другой оказался между Кузьмой и Камневым за миг до первого удара ножом.

Хватит нескольких секунд работы стилусом, чтобы удалить этот нож из реальности; немного больше – чтобы перерисовать весь холст мироздания, исключив из него само это событие, изменив картину судеб нескольких людей. Чтобы друг остался жив.

Владимир прекрасно это знал, ведь проходил через эти раздумья уже много раз. Поэтому теперь он просто отошел на общую лоджию, соединявшую лестничную площадку и лифт. После длительного перекура была нажата вторая кнопка стилуса, запустившая время. Владимир смотрел в ночь, слыша, как убивали Кузю, и в самый последний момент вновь остановил мир.

Когда он вернулся к квартире, над телом уже замер худощавый бледный мужчина в темном плаще. Редкие волосы, залысины, впалые щеки и острые скулы.

– Прости, но этот улов – мой.

Несколькими тычками стилуса художник вырезал душу и личность Кузьмы на отдельный слой бытия и сделал этот слой невидимым. Когда дело было сделано и время возобновило ход, тощий человек выпрямился и обратил на Владимира пару пустых глазниц.

– И чего ты пыришься на меня своими дырищами? Вали.

Смерть не пошевелился, однако его замешательство было очевидно: разнарядку на одну человеческую душу свыше спустили, факт кончины организма подтвержден, но самая? душа, только что существовавшая, вдруг покинула реальность. Смерть не любил и не понимал таких выкрутасов.

– Давай, давай, уваливай под ветер, скройся в голубых далях. И чтобы я тебя рядом не видел.

Смерть ушел. Но не потому, что подчинился, а потому, что не видел смысла оставаться. Каждую секунду в мире умирали люди, а Смерть обязан был

обеспечивать их переход за Кромку и в своем размеренном упорядоченном труде предпочитал держаться самых педантичных правил.

Но просто так он не отстанет.

Похороны, поминки. Все прошло быстро и сумбурно. Владимир старался быть полезным, помогать в меру сил и оказывать моральную поддержку. Когда же все осталось позади, художник вернулся к своей рутине. Сычевание в крохотной квартирке, выполнение заказов и редкие заходы на Patreon некоторое время забирали все его время. Иногда художник отправлялся на «девианты», чтобы проверить работы других авторов, на которых был подписан; периодически отписывался в БОА и поглядывал на новый дизайн «HF».

Так могло продолжаться довольно долго, но не вечно. Где-то там ждал своего часа слой бытия, в котором застыла не отбывшая за Кромку душа и полноценный слепок личности.

Владимир прикрыл и потер усталые глаза – монитор в черной комнате перенапрягал их, что грозило бо?льшим ухудшением зрения, но с этой мыслью художник примирился. Он на ощупь добрался до кухни и заварил себе чаю, который выпил на балконе, кутаясь в плед. Погода этой весной постоянно менялась, ночи были то теплыми, то холодными.

Вернувшись за стол, он вышел в Сеть и навестил личный сайт Фомичева.

Почивший комиксист имел отдел с галереями своих свежих работ, сдвоенный с бложиком. Никто еще не вывесил на лицевой странице объявления о смерти. Белый фон, несколько плашек с названиями разделов и фирменный знак Кузи, его нарисованный маскот, черный хомяк с красными глазами-бусинками.

Хмыкнув, Владимир открыл Corel Painter и начал рисовать толстого хомяка с угольно-черной шерстью и пылающими алыми глазками. Заменив обычный стилус на особый, он извлек рисунок из цифрового пространства в реальный мир, создав живое существо, после чего сделал видимым слой с душой и личностью Кузьмы и слил их воедино.

– Ох…

– Привет.

– М-мать… Владик, ты?

– Ага.

– А че ты такой здоровый?

– Это не я здоровый, Кузь, это ты мелкий. Потому что ты теперь хомяк.

– Правда? Хм. До такого я еще не допивался.

– Боюсь, дело не в выпивке.

– А как это так?

– Ох, долгая история, брат. Хочешь на Марс?

– На красную планету? Давай.

– Поехали.

Фрагмент 2

Миверна Янг и ее боевые будни

Мив открыла глаза и подала голосовую команду на отключение будильника. В жилом модуле зажглось освещение, заиграла приятная музыка, ИИ поинтересовался – что Мив желает на завтрак?

Прежде чем приступить к санитарным процедурам, она совершила длительную пробежку и выполнила ряд силовых упражнений. Искупанная и посвежевшая, Мив с аппетитом позавтракала и уселась в рабочее кресло. ИИ вывел на дисплей отчет о проделанных за ночь вычислениях, результаты анализов собранных образцов и рекомендации. Информация была упакована в надежный носитель и прикреплена к посыльному дрону.

– Подготовить транспорт и охрану, я выдвигаюсь к вратам для передачи данных.

– Будет исполнено, шэо-кла Янг.

База сверхдальней разведки Басилптесты в мире, условно известном как Покатангол, имела стандартную модульную конструкцию. Жилые, тренировочные, лабораторные, гаражные, заводские, а также все прочие модули крепились друг к другу в виде эргономичной системы-конструктора. По периметру ее защищало несколько автоматизированных линий обороны, над которыми парили боевые дроны. Окружающая среда, как сама по себе, так и существа, ее населявшие, были довольно враждебны, поэтому инженеры основательно потрудились, закладывая в дронов-строителей программу возведения этого комплекса.

– Вездеход и дроны сопровождения готовы к выезду, шэо-кла Янг.

Мив облачилась в скафандр личной защиты самой последней модели: белый с серебристыми блестками костюм, плотно облегавший фигуру; стеклянная сфера шлема и небольшой ранец системы жизнеобеспечения за спиной. Скафандр имел мощный автономный источник питания, при надобности генерировал силовую броню, мог исполнять роль экзоскелета и даже вспомогательного средства передвижения.

Надев на правое предплечье манжету-контроллер, проверив миниатюрный дискомет в кобуре и затянув на левом бедре ремень ножен с виброножом, Мив переместилась в гараж, где ждал приземистый восьмиколесный транспорт – мультисредовой вездеход-трансформер.

Покатангол был жарким миром, в чьих синих океанах, зеленовато-желтых небесах и ярко-красных джунглях водилось множество форм опасной жизни. Ни одна из них – по крайней мере, тех, кого успела изучить Мив, – не подавала

признаков наличия разума. Однако это в принципе не мешало обитателям сего мира быть крайне искусными в охоте и убийстве.

Когда вездеход выехал за охраняемый периметр, впереди него летели три боевых дрона, сканировавших джунгли по обе стороны от дороги; за кормой транспорта парили еще два. Устроившись в кабине, Мив больше внимания уделяла дисплею, на который выводились данные сканеров, чем управлению машиной. В бортовой компьютер был загружен маршрут, так что отвлекаться на руление не стоило.

Обитатели этого мира давно заметили, что по джунглям передвигается «стая чужаков», причем по одним и тем же маршрутам, накатанным колеям, просекам. Несколько раз хищники пытались устроить на Мив засаду. Сначала до этого додумался зверь с маркером sc-2533, эдакая помесь змеи с тысяченожкой, в алом костяном панцире и с тремя голодными ртами. Следующим умником был ll-929, походивший на огромную хищную кошку в костяной броне с шипастым хребтом. Затем были fv-304, fv-307 и hq-12, – гораздо менее впечатляющие экземпляры покатангольской фауны; что характерно, тоже наделенные костяной броней. В этом мире такой вариант защиты имелся практически у всех живых существ.

– Прямо по курсу обнаружен крупный представитель фауны, шэо-кла Янг, – сообщил бортовой ИИ, – маркер bm-228. Расстояние: пять лариодов. Судя по показателям, объект пребывает в состоянии сна.

Мив тяжело вздохнула, рассматривая камень преткновения на экране.

– Прикажете инициировать боевые протоколы?

– Отставить. Проложи альтернативный маршрут.

– Слушаюсь.

Не то чтобы она слишком боялась разозлить гиганта, у басилптестийской техники хватало огневой мощи, чтобы уничтожить практически любого сухопутного хищника в этом мире, но, являясь представителем довольно миролюбивого вида, Мив чуралась излишнего насилия.

Однако же объехать проблемный участок дороги оказалось непросто. Джунгли были поделены на охотничьи угодья между многочисленными хищниками, особенности пересеченной местности тоже давали о себе знать, так что офицеру пришлось помочь машине выстроить маршрут.

– Если он не уберется, на обратном пути придется полить здоровяка жидкой молнией.

Джунгли Покатангола лишь казались бескрайними, на быстром транспорте из них можно было вырваться довольно легко, а дальше взору открывались обширные просторы саванны. В них тоже водились хищники, а также огромные травоядные, но в жаркий день и те и другие предпочитали дремать под двойным солнцем.

Вездеход наконец вернулся на дорогу и по ней спустился с пологого холма к реке, дальнейший путь пролегал вдоль течения, и его Миверна намеревалась проделать, переведя транспорт в режим гравитационной подушки. Такой способ издавал много шума, распугивавшего фауну, быстрее расходовал заряд энергоячеек, зато не оставлял следов. Вода была неестественно синей и густой на взгляд иномирца, из нее то и дело поднимались костяные спины: шипастые, ребристые, гладкие как яйцо, сегментарные и монолитные. Сканеры дронов автоматически анализировали водные формы жизни, стремясь найти что-то неисследованное на будущее.

Цель путешествия виднелась издали, ибо громадная темная блямба правильной формы сильно выделялась на фоне бескрайнего моря оранжевых трав и ржавой почвы. То был диск радиусом в полсотни шагов, состав чьего материала до сих пор оставался неизвестен.

Когда сканеры проверили округу на предмет засад, а дроны рассредоточились, заняв оборонительные позиции, офицер сверхдальней разведки покинула вездеход и зашагала к вратам. Верхняя плоскость древнего техноартефакта находилась примерно на уровне шеи Мив, поэтому она активировала гравитон и легко запрыгнула на темную поверхность.

Насколько знали басилпы, межмировые врата были всегда. О существах, установивших эти предметы, имелись только смутные догадки, полученные из исследования других мирозданий, а также от некоего тайного источника,

с которым работало мировое правительство Басилптесты. Миверна являлась офицером высокого звена, имела звание шэо-клы, считалась лучшей из лучших, прекрасно подготовленной и обученной для исследования иных реалмов, но даже она не имела доступа столь высокого уровня.

На своей родине басилпы обнаружили врата поколения назад, но, немного поэкспериментировав, решили забыть о них. Прошли века, Басилптеста стала единой, достигла пика социального и научного совершенства, накопила большой ресурсный потенциал, лишь после чего мировое правительство инициировало программу изучения других вселенных. Басилпы начали осторожно прощупывать почву, и острием их робкой экспансии стал корпус сверхдальней разведки.

Она делала это уже много раз, поэтому глаз мгновенно нашел на безукоризненно ровной поверхности единственную, едва заметную впадинку шириной не больше ногтя. Приблизившись, Мив ткнула в нее кончиком носка, и поверхность разошлась, изнутри поднялся тридцатигранный терминал, на котором зажглись Знаки. Выбирая один Знак за другим, она начала выстраивать координаты межмирового перехода, а когда закончила, вдавила небольшой шар в середине терминала. Поверхность под ногами завибрировала.

Межмировые врата имели множество разных конфигураций, но принцип действия и склонность к округлости абриса у большинства конструкций были общими. Данные врата, стоило им получить действительные координаты, стали меняться, из двух противоположных концов черного диска медленно выдвигались толстые дуги, пульсировавшие от неописуемого количества энергии. Когда они соединились наверху, образовав круглую арку, во все стороны разошелся ощутимый импульс. Проход между мирами был установлен.

Мив коснулась сенсорной панели на манжете, и из вездехода вынырнул вестовой дрон с прочным баллистическим корпусом. Единственной целью этого малыша была доставка носителя информации из одного мира в другой, и так по цепочке до самой Басилптесты. Выполнять ее он мог с умопомрачительной скоростью.

– Пошел.

Дрон медленно двинулся к вратам и покинул Покатангол. Уже на той стороне, адаптировавшись к слегка измененным законам физики, он рванет с места,

преодолевая скорость звука.

Запись об отправке отчетов была занесена в интерактивный журнал экспедиции. Офицер Янг еще раз нажала на центр терминала, и через миг межмировой проход погас, врата втянули в себя разделившуюся арку.

Возвращаясь на базу, Мив не обнаружила на пути bm-228.

Ее будни складывались из множества дел и забот, которыми разведчица занималась порой на автомате. Современные технологии выполняли бо?льшую часть работы, за ними лишь надо было временами приглядывать и инициировать этапы в правильном порядке.

Рано утром, после завтрака, Миверна, как правило, выезжала на вездеходе исследовать новые участки Покатангола, набирала образцы флоры и фауны, почву, минералы, разные непонятные диковинки. Затем все это отправлялось на базу, где проходило процедуру изучения. Умные машины анализировали состав веществ, записывали генетический код, выделяли полезную для Басилптесты информацию. Фактически главной задачей Мив был поиск полезных материалов для научных целей и пригодных пространств для колонизации.

Иногда, завершив очередной рабочий день, исследовательница иных миров поднималась на крышу основного жилого модуля и садилась на удобный стул под прозрачным куполом армированного стекла. Наблюдая закаты Покатангола, она пила горячий пруу? и осознавала, что является единственным носителем разума на планете. В звездной системе. В целой вселенной. В этой вселенной. Странное чувство, завораживающее, восхищающее и пугающее одновременно.

Мив открыла глаза и подала голосовую команду на отключение будильника. В жилом модуле зажглось освещение, заиграла приятная музыка, ИИ поинтересовался, что Мив желает на завтрак.

– Что у нас по плану? – спросила она, покидая санитарный модуль и садясь за стол.

– Углубленная геологическая разведка в квадрате N82, шэо-кла Янг.

Закончив приготовления, Мив покинула базу и отправилась по другой дороге через джунгли. Засаду сканеры боевых дронов обнаружили за пять лариодов. Стая особей kd-50 притаилась в густых зарослях красного папоротниковидного куста, но вскоре три дрона легко ее разогнали.

Целью поездки была территория размером семь на семь квадратных лариодов, где растительная жизнь уступала главенство каменистому рельефу. Из ржавой земли высились хребты сиреневой породы, сверкавшей на солнцах подобно кварцу.

Покинувшие борт вездехода дрон-зонды в количестве десяти штук рассредоточились в радиусе лариода, опустились на землю и активировали устройства для подповерхностного зондирования.

– Инициировать трансформацию, подготовить буровых дронов.

Замерший было вездеход пришел в движение, его колеса уменьшились и втянулись внутрь корпуса, пласталевая броня изменила конфигурацию, придавая ему бо?льшую обтекаемость, там и тут возникли гусеничные траки, а в носовой части сформировалась мощная буровая установка. Вездеход перешел в форму геохода[2 - Геоход – подземная лодка (лат. Subterrina).].

Опираясь на постоянно поступающие координаты, Мив принялась проделывать в земле тоннели, тогда как специальные дроны оперативно поднимали на поверхность лишнюю породу и спрыскивали стены новых проходов раствором каменной паутины. Схватывался этот материал мгновенно и обеспечивал надежную поддержку сводов.

Проведя пути ко всем интересовавшим ее местам, Мив поднялась на поверхность и отсоединила от кормовой части вездехода солидный сегмент. После быстрой трансформации он превратился в мультисредовой исследовательский экзоскафандр, на котором и продолжилась работа. Четырехрукая машина проработала в подземелье несколько часов без остановки, пока Мив не решила, что пора подниматься.

На поверхности к этому времени уже заканчивались покатангольские сумерки, долгие и прекрасные. Открыв кабину, офицер сверхдальней разведки обратила очи к небу и довольно долго сидела неподвижно. Появилось иррациональное ввиду состава атмосферы желание отключить фильтры и вдохнуть свежего вечернего воздуха.

Из размышлений вывела запищавшая манжета. Нахмурившись, Мив просмотрела короткий отчет – датчики, расставленные вокруг межмировых врат, сообщали об активации техноартефакта. ИИ базы передавал на манжету видеоизображение. Миверна Янг в реальном времени наблюдала, как сошлись над диском половинки арки и образовался стабильный переход, после чего размытая тень выпорхнула в Покатангол.

– Назад, стоп, с этого момента воспроизвести с пятикратным замедлением.

То, что в первый раз показалось тенью, при замедлении стало более узнаваемым, хоть и размытым. Если бы в процессе эволюционного развития басилпы не потеряли волосяной покров на скальпе, то сейчас волосы на ее голове зашевелились бы. Миверна никогда не встречалась с этим сама, но всех офицеров ее ранга натаскивали на распознавание… этого.

– Слушать мою команду: код сизый, реверанты!

– Инициирую форматирование баз данных, охрана опорного пункта усилена. Жду вашего возвращения, шэо-кла Янг.

– Отставить ожидание, я не вернусь. Когда и если скаут доберется до базы, разрешаю прибегнуть ко всем способам защиты, включая самоуничтожение.

– Слушаюсь, шэо-кла Янг.

Мив понимала, что последнее ее решение не было однозначным. На базе располагался основной арсенал, можно было попробовать добраться туда первой, вооружиться как следует, окопаться и ждать скаута. В том, что он непременно найдет базу, сомневаться не приходилось, но что потом? Миверна Янг отнюдь не была уверена, что сможет уничтожить реверанта, а вот он вполне мог пробиться внутрь и захватить ее. Живой. Это пугало больше всего. Отформатировать базы данных легко, но попробуй отформатировать мозг. Мив

не могла представить исхода хуже, чем пытки, под которыми ей придется рассказать реверантам о Басилптесте, тем самым обрекая родной мир на жалкую и долгую агонию.

Следующие двое суток она провела на борту вездехода, зарывшегося под землю. Внутри этой машины имелся некоторый запас пищи и объемные энергоячейки, позволявшие превратить вездеход в подобие полевого лагеря. ИИ сообщал о состоянии дел на базе, и пока что там было тихо.

В разных частях джунглей, саванны, скалистых гряд находились датчики и камеры, установленные для исследования фауны, теперь через них удавалось следить за перемещениями реверанта. Мотался он изрядно, проверял там и тут, убивал животных, забирая их жизненную силу, составлял карту. А потом наткнулся на дороги в лесу. Обнаружение базы стало делом тебрима[3 - Примерно один час по-басилптестийски.].

Мив завела вездеход и приказала проложить курс к межмировым вратам. С базы начали поступать тревожные сигналы, механизм обороны вступил в бой со скаутом. Следовало торопиться.

Даже с емкостями, освобожденными от собранных образцов, вездеход двигался не слишком быстро. Его создавали для повышенной проходимости и надежности – не для гонок. Тем не менее, выбрав режим гравитационной подушки, Миверна выжимала из него все, гнала по пересеченной местности, стараясь огибать лишь логовища самых крупных и опасных тварей. База отбивалась от врага, создавая иллюзию населенности, и это давало басилпу шанс спастись самой и уберечь свой мир. Так она думала, пока сканеры не передали на бортовой компьютер информацию о приближении неизвестной техники. Над красными джунглями раздавался вой.

Два реверантских дрон-глайдера, похожих на гигантских черных москитов, стремительно настигали вездеход. Выйдя на приемлемую траекторию, они открыли огонь из длинных хоботков-лазеров. Басилптестийские дроны немедленно открыли ответный огонь, отгоняя врага. Пока вездеход мчал вперед, над ним сражались машины. Миниатюрные дроны-защитники превосходили числом, но охотники имели бо?льшую прочность и не уступали маневренностью. Силы оказались практически равны, и потому они уничтожили

друг дружку.

– Шэо-кла Янг, – донесся голос ИИ, – сообщаю, что нападение отражено, враг ретировался.

Наверняка ИИ оценивал эту новость как положительную, но Мив не спешила радоваться.

– Слушай мою команду: когда прервется сигнал моих жизненных показателей, приказываю применить протокол самоуничтожения!

– Будет исполнено, шэо-кла Янг.

Пока автопилот вел машину, Мив загружала в программу новые протоколы. Наконец, загнав ее в реку, офицер покинула кабину и отсоединила модуль экзоскафандра. Из крыши корпуса вездехода выдвинулась массивная турель тяжелого дискомета; в трех местах расцвели гнезда многоствольных игольников. Вездеход тихо загудел и самостоятельно продолжил путь, в то время как его бывший пилот забралась в кабину экзоскафандра и сошла с мелководья в глубь водного потока. Расчет ее был прост: Мив надеялась выиграть еще хоть немного времени, чтобы сбежать, и пусть скаут попробует с наскока раскусить пустую машину.

Скафандр стремительно плыл среди панцирных рыб, подводных ящеров и млекопитающих, распугивая их светом прожекторов и гудением движителей. Вскоре на манжету пришло сообщение о том, что на вездеход напали и машина дает отпор. Оставалось надеяться на мощь басилптестийской техники.

Выйдя на сушу, Миверна пустила свой шагающий транспорт длинными скачками, периодически активируя гравитон. Когда сигнал вездехода оборвался, до врат оставалось еще два с половиной лариода, и офицер Янг поняла, что не успеет: ведь как только враг поймет, что воевал с наживкой, он немедленно бросится к вратам.

Из высокой травы, на расстоянии в треть лариода от врат, завывая поднялся третий дрон-глайдер – реверант предусмотрительно оставил у точки перехода собственного наблюдателя. Боевая машина молнией понеслась на перехват беглянки, издали открывая лазерный огонь. Прыжок – экзоскафандр вцепился в

«москита» и накрепко примагнитился к нему, впиваясь в обшивку корпуса энергетическим резаком; один из свободных манипуляторов отвел пушку дрона, и ее заряд пропал втуне. Глайдер мотало из стороны в сторону, он пытался сбросить противника или нанести значительный ущерб, но вскоре его внутренности были расплавлены и механизмы рухнули наземь.

– Состояние? – сделала запрос Мив, едва ей удалось спихнуть деактивированного дрона.

– Заряд энергоячейки составляет сорок процентов[4 - Главным числительным мерилом (даже в процентном эквиваленте) для басилпов является 6, а не 10, так что, в переводе на человеческий образ мысли, энергоячейка имела примерно шестьдесят восемь процентов от полного заряда.], зафиксированы повреждения машины минимальной тяжести, рекомендован профилактический ремонт.

Огромное везение. Может, в конце концов все закончится хорошо.

– Мобильность?

– Удовлетворительная.

Остаток пути она проделала в постоянной тревоге, а когда наконец добралась до врат, позади уже вновь раздавался искусственный вой. Выбравшись из кокпита, Миверна Янг пробудила терминал и начала выбирать Знаки наугад. Ни в один из исследуемых басилпами миров она бежать не могла, но решила довериться случаю. Шансы набить какой-то действующий адрес были мизерными, а шансы, что если проход все же откроется, то на другой стороне окажется пригодная для жизни среда, – и того ниже, но отчаяние не балует привередливых! Времени почти не осталось, но Мив успела закончить набор, запрыгнуть в кабину и изготовиться, когда на ее машину обрушился поток лазерных лучей. С некоторым изумлением она мысленно констатировала начало работы врат.

Будь экзоскафандр боевым, можно было бы дать достойный отпор, однако у Мив не имелось никакого оружия, и ей оставалось лишь по мере сил избегать раскаленных голубых линий, пока не истощился весь заряд энергоячейки. Силовой щит рассеялся, а взрыв экзоскафандра оказался делом нескольких метких выстрелов в кормовую часть.

Спасла последняя личная защита – персональный скафандр, генерировавший силовой доспех и помогавший двигаться на собственном гравитоне. Мив вышвырнуло наружу в потоке пламени, она сгруппировалась, перекувырнулась и оказалась на ногах. Ручной дискомет покинул кобуру и стал следовать за воющим глайдером, круживший в вышине. Наконец машина опустилась наземь, заглохли ее двигатели и стих шум. Реверант покинул седло.

Он был выше Мив, весь в черной экзоброне, на лицевом щитке шлема светились четыре миндалевидных окуляра, а на макушке развевался плюмаж белых волос. Так и есть, легкий разведчик, скаут, не легионер. А значит, можно посопротивляться…

Импульс становления межмирового перехода прокатился по Покатанголу, и Миверна решила, что лучше все-таки бежать. Великолепным прыжком она переместилась на платформу врат и бросилась к арке. Реверант последовал за ней, быстрый и ловкий, но скованный в выборе средств: он должен был заполучить Мив живой и невредимой во что бы то ни стало.

Охотник совершил прыжок, крепкая рука схватила басилпа за плечо, скаут развернулся на пятке и швырнул ее назад. Кувырнувшись в воздухе, Миверна активировала гравитон и вновь метнулась к своей цели уже по воздуху. Из-за спины врага показалось жало на длинном металлическом хвосте и выстрелило очередью стан-импульсов. Мимо. Поняв, что чрезмерно ловкая добыча уходит, реверант помчался за ней к арке.

Ни Мив, ни ее преследователь не знали, куда вел проход, само то, что врата отозвались, что случайная комбинация Знаков оказалась действенной, являлось чудом. Но для офицера сверхдальней разведки это было и не так важно. Куда угодно, лишь бы подальше от Басилптесты! А в идеале – куда-нибудь в объятия мгновенной смерти.

Фрагмент 3

Каос Магн и его вечность, потраченная совсем не на то. Господин Блеск. Мертвый Паук. Пересмотр взглядов

Когда он восстал из тверди, прошли миллиарды лет. Это было точно. В первый его визит все вокруг было еще таким новым, еще таким… мертвым. Но «мертвый еще» и «мертвый уже» – это два совершенно разных качества. Условия тогда оказались совершенно непригодными для существования, повсюду кипел первобытный бульон, из которого лишь предстояло явиться будущим хозяевам мироздания. Но это было тогда. За миллиарды лет или любых других циклов, в коих каждому отдельно взятому индивиду было бы привычнее мерить время, этот мир успел прожить свою жизнь и состариться.

Когда Каос только явился в этот реалм, тогда, давным-давно, он устроился на вершине самой высокой горы и погрузился в медитативное состояние. Как оказалось, лишь для того, чтобы, очнувшись, обнаружить себя в глубинах подземных недр. На то, чтобы откопаться, ушли сутки, и вот он выступил на поверхность дряхлого мироздания и, возведя очи к темному небу, заплакал. Две слезинки проторили пути в грязи, что покрывала изможденное лицо Каоса. Первые слезы за… сколько тысяч лет? Не считая той вечности, которую он провел в медитации, естественно.

Запрокинув голову, он тихо лил слезы, раскачиваясь взад-вперед, а потом все некогда обитавшие в мире существа могли бы пожалеть, что еще не умерли, если бы действительно уже не являлись мертвыми, ибо Каос Магн закричал.

Его вопль прогибал материальную реальность мироздания, плавил ее, пускал волнами, ломал и перекручивал. Распухшее красное солнце по другую сторону планеты судорожно выплюнуло несколько протуберанцев, а последняя уцелевшая луна покрылась новыми трещинами-каньонами. Когда силы иссякли, Каос оказался на дне большого кратера с волнистыми оплавленными стенками, а эхо его крика металось по планете. Зря он это сделал.

После миллиардов лет медитации жизнь в его теле кое-как поддерживала лишь правая рука. Она одна не изменилась, не истончилась, но осталась все той же чужеродной конечностью, укрытой черным хитиновым доспехом. Некогда принадлежавшая богу, рука передавала свое бессмертие остальному телу, но продолжаться так больше не могло. Каос уткнулся лицом в землю и начал есть. Почва, камни, абсолютно все пропихивалось по пищеводу туда, где вместо желудка находилась вечная топка. Любая материя в ней расщеплялась, превращаясь в энергию.

Выев полторы тонны подножного корма, он поднялся на тощих ногах и стал выбираться из кратера. Блуждания иномирца по мертвому мирозданию заняли какое-то время. Он брел по останкам городов, безжизненным пустошам, дну высохшего моря, разглядывал крошившиеся горные хребты, крошившиеся кости, раздувшееся агонизирующее солнце, разглядывал и не думал. Ни о чем не думал. С позорными проявлениями слабости до срока было покончено, Каос Магн собирался вернуться на свою изначальную временную параллель, а для этого следовало отыскать межмировые врата.

Вперед его вела Интуиция. По крайней мере, так он привык называть то, что иные назвали бы «всезнанием».

Скитания привели иномирца к подножию действующего вулкана. Среди потоков лавы, изрыгаемых ядром, в мареве раскаленного газа он ощутил близость искомого. Врата находились глубоко под вулканической породой, и так бы им там и лежать до конца света, кабы не Каос и его аркана.

Радужки его глаз приобрели белый цвет с тонкой черной каймой, а треугольные от природы зрачки сузились до предела – аркана пробудилась. Врата в глубине дрогнули и поползли наверх, увлекаемые волей иномирца. Вскоре они распороли поверхность – те самые, через которые Магн явился в этот реалм на заре времен. Был вызван терминал и набран правильный порядок Знаков.

– Вас привлек сюда импульс?

Каос Магн обернулся и бросил взгляд на несколько сущностей, явившихся к подножию вулкана. Неясные темные силуэты, Герольды Пустоты, вестники смертной тени, следящие за увяданием мира. Здесь так давно не было никаких признаков жизни, что внезапное ее проявление смутило их и заставило прийти.

– Не волнуйтесь, меня не будет уже вот-вот.

Они не стали мешать ему, они вообще никому не желали мешать.

Говорят, физики-теоретики могут составлять прекрасные теории относительно законов, по которым функционирует мироздание. И все у них получается

замечательно, все становится понятно и стройно, однако стоит попытаться включить в расчеты гравитацию, как все уравнения летят в тартарары. Примерно так же на путешествие между мирами действует аспект времени.

Сколько раз перспективные программы по изучению иных миров проваливались на первых же этапах лишь потому, что исследователи, шагнув во врата, возвращались через десять минут уже седыми старцами, повествуя о годах, прошедших по ту сторону. Или же они могли пропасть на годы, после чего вернуться, словно прошла пара минут, и спросить – мол: «Ну, вы идете?»

Время разливается – именно «разливается», а не «течет» – по просторам бесконечной множественной Метавселенной неравномерно. В ее аспекте существуют как бешеные стремнины, так и застойные болота, а также коварные водовороты, куда же без них? Опытный мироходец должен точно знать, в какой мир и на какое время он отправляется, дабы не выпасть из собственной временно?й параллели и не утратить все, что когда-либо было ему дорого. Каос Магн был лучшим из известных мироходцев, особенно когда заходила речь о расчете маршрута с учетом запутанных потоков времени.

Он передвигался от вселенной ко вселенной, от врат к вратам, одинокий путник, который старался ни о чем не думать. Ни о чем. Пустые миры мелькали перед глазами, а населенные упускали из виду чужака, ибо аркана скрывала его от чужих взглядов. С каждым переходом Каос все сильнее смещался к той временной параллели, в которой некогда был рожден и в которой предпочитал жить. Фактически он возвращался в прошлое, предшествовавшее началу его невероятно долгой медитации.

Последним шагом перед вступлением в пределы Сиятельной Ахарии был безымянный и никогда не хранивший в себе никаких признаков жизни пустынный мир. Насколько помнил Каос, единственным, что хоть как-то радовало в нем, были яркие золотисто-желтый и оранжевый цвета, которые царили повсеместно, и лишь безоблачное небо отливало голубизной.

Чужак взбивал ступнями рыжую пыль, подставляя пылающему солнцу голую спину. Интуиция вела его все дальше по однообразному пейзажу, и подавленный разум отражался в глазах туманом. Но лишь до тех пор, пока в поле зрения не появилось нечто чужеродное.

Каос поднял мрачный взгляд на крепость-башню, высившуюся посреди пустынного мира. Сложенная из неровных кусков оранжево-желтого камня, она стояла на месте высокого скального пика. Ну и черт бы с этим, кабы внутри именно тех стен не находились теперь межмировые врата. Раньше этого здесь не было.

Над вратами самой башни в камне значился символ: окружность с четырьмя небольшими клиньями, направленными остриями от периметра к центру. Как глупо было выставлять это изображение здесь: ведь не один только Каос знал его значение, но и обитатели бессчетных миров, переживших ужасы Войны Затмения. Как глупо.

Высокие ворота никто не охранял, они даже не были заперты, так что Каос легко проник внутрь. Бродя по огромной крепости, он не обнаружил ни одного признака жизни – лишь тишину и запустение. Каждое помещение предназначалось для работы: лаборатории, сборочные цеха, еще лаборатории, морозильные ячейки на тысячи тел, много лабораторий. Местный хозяин не испытывал нужды в пище и отдыхе, жил лишь своей работой.

Наконец он вышел в большой темный зал с подиумом врат посредине. На полпути к ним незваный гость замер: врата ожили. Каос использовал технику дзифта, чтобы молниеносно переместиться в самую глубокую тень, и затих там. Он ожидал, что из образовавшегося межмирового прохода появится сам Эльлазар, и рассчитывал напасть внезапно. Раньше Каос Магн уже убивал старика, причем не раз, а целых три, но, как известно всем более-менее опытным мироходцам, Эльлазар всегда возвращается. Всегда.

Будучи не в лучшей форме, Каос хотел воспользоваться преимуществом. Однако вместо древнего чудовища из врат появился человек. Приятного вида красавец в белой сорочке, кожаной жилетке с накладными карманами и с кожаной сумкой на плече. В его ушах висели тяжелые серьги, на пальцах сидели перстни и кольца, но их блеск мерк в сравнении с глазами и волосами цвета сусального золота. Человек подошел к краю платформы, упер руки в боки и озадаченно огляделся. Притаившийся было мироходец вышел из тени.

Повернувшись, человек обратил на него внимание, с сомнением прищурился:

– Мм, господин… Магн? Выгода всевеликий, я принял вас за кадавра…

– Здравствуй, Господин Блеск, – невесело улыбнулся Каос, зная, что Эдвард Д. А?волик не жаловал этого прозвища, – ищешь Эльлазара?

Аволик слегка заметно напрягся. В силу своей специальности и высокого профессионализма он обладал невероятной проницательностью, которая тем не менее не являлась сверхъестественной. А потому златовласого напрягали индивиды, которых ему было трудно «читать». Каос был одним из таких, очень закрытым, почти непроницаемым, и его присутствие, как правило, заставляло Аволика испытывать дискомфорт.

– Да. Уже пятое его убежище обследую. Старик здесь?

– Исходя из… состояния обстановки, – Каос внимательно следил за оборотником, – он не посещал этого места уже… цикла три.

Золотые брови придвинулись к переносице, Эдвард задумался. Наконец он еще раз оглядел нежданного собеседника. Тот был наг, все еще тощ, абсолютно лыс, а нижние клыки, которые прежде он регулярно подпиливал, теперь походили на кривые бивни, безобразно растягивавшие рот. Даже большая бронзовая блямба со сложным узором, что сидела у Каоса над сердцем, словно покрылась патиной.

– Неважно выглядите. Вам нужна помощь? Может, я смог бы предложить вам…

– Нет, в твоем ассортименте нет ничего, что было бы мне нужно. Всего доброго, Господин Блеск.

– Обижаете мою профессиональную гордость, господин Магн, – мягко укорил оборотник.

Каос лишь презрительно усмехнулся.

Постояв еще немного, Эдвард Д. Аволик ушел тем же путем, которым явился, а чуть позже Каос сам открыл проход. Но прежде чем удалиться, он обратился к

своей аркане, исторг из тела импульс воли огромной разрушительной силы и, входя во врата, слышал за спиной грохот рушащейся крепости.

Его ждала Сиятельная Ахария.

Перекресток Тысячи Миров, Город Пестроты, Мертвый Паук, Гнилой Термитник… М-да, и так ее тоже иногда называли. Хотя гордые жители Сиятельной Ахарии предпочитали называть свой город просто Ахарией, и точка. А то, понимаешь, бродят тут всякие, тысячами прибывают и убывают каждый день, и всяк норовит проявить остроту ума и ассоциативного мышления. Где не надо.

Сердцем – во всех смыслах – Ахарии являлся центральный узел межмирового перемещения, или просто Большой Хаб. Громадное здание, в котором размещалось шесть межмировых врат, ежедневно по строгому расписанию осуществлявших прием и отправку путешественников, а также перемещение товаров. Много товаров! Очень много товаров! Вокруг Большого Хаба на всей Атланийской площади раскинулся бурлящий рынок, и только на самом краю оной скромно стоял дворец Деспотов.

Находясь в своем скромном кабинете, деспот Ахарии И?льпильт Кона?м неподвижно сидел в рабочем кресле и разглядывал площадь, пока госпожа Магда, его помощница и секретарша, зачитывала последний отчет.

– Как любопытно, – сказал лорд Конам, – значит, он вернулся.

– В очередной раз сорвав расписание прибытий и отбытий, господин.

– Если мне не изменяет память, почтенный Каос Магн отбывал из нашего владения три дня назад?

– Совершенно верно, господин.

Лорд Конам задумчиво огладил длинную, изящно изогнутую бровь, вощению коей каждое утро уделял немало времени[5 - Так называемые Первые люди, или атла?ны, из коих брала свое начало семья Конам, издревле считали признаком родовитости очень длинные ухоженные брови.].

– И куда же он отправился потом?

– В банк, господин. Опустошил свою камеру хранения, оделся, после чего за ним следили до «Чертова камня».

– Понятно, понятно. Благодарю, госпожа Магда, можешь идти.

Когда госпожа Магда выходила, деспот вдруг окликнул ее:

– Кажется, ты сказала, что по возвращении наш дорогой гость выглядел не лучшим образом? А когда он покидал нас три дня назад, он тоже так выглядел?

– Нет, господин, – ответила секретарша, – покидая Ахарию, Каос Магн был полон сил, как всегда. Теперь же он, по словам агентов, «будто постарел на тысячу лет».

– Хм, вот как. Ясно. В таком случае, пожалуйста, передай послу Кете?ра, что я хотел бы с ним встретиться. Скажем, завтра.

Бар «Чертов камень» являлся именно тем, что подразумевало его название. Огромный такой булыжник занимал место целого дома этажа в два-три, и все помещения в нем были вырублены руками опытных каменотесов. Крошечные окошки, кривые лесенки, узкие дверные проемы.

Владела заведением сущность, которую за определенный набор внешних черт многие именовали чертом. Господин Кублазон и не спорил – черт так черт, есть в городе личности и более сомнительные, людоедов хоть взять. Говорят, его некогда призвал в Ахарию некий демонолог с готовым договором на сотрудничество и рядом поручений. Со своей частью сделки Кублазон справился, однако, вернувшись закрыть оную, обнаружил заказчика мертвым. По одной версии, тот стал жертвой таинственного заговора, по другой – подавился плюшкой. В любом разе договор был составлен так заковыристо, что Кублазон остался ни с чем. А с этой скромной наградой путь ему в родное измерение был заказан. Пришлось обживаться на месте.

Даже в разгар дня внутри «Чертова камня» всегда царила тьма. Разогнать ее было никак невозможно, лишь крохотные красные светильники робко щекотали эту стихию, едва обозначая столы, стойку, фрагменты коридоров и лестниц. Завсегдатаев все устраивало.

– Эй, чертила, подлей мне этой гадости.

Во мраке за барной стойкой слабо мигнули огоньки глаз, влажно блеснул пятачок, мохнатая лапа наполнила тумблер. Который уже?

Красное освещение бара вдруг посерело. Свет не исчез, просто потерял изначальный цвет. Издали полилась печальная музыка, терзал душу саксофон, подыгрывало ему пианино. Дверь открылась, вошел высокий молодой мужчина в шляпе и плаще. Сев рядом с Каосом, он похоронил едва начатую сигарету в переполненной пепельнице и заказал себе того же, что пил мироходец.

– Малой, читать умеешь? – спросил Кублазон, указывая когтем на висевшую сверху табличку: «Генераторы нуара в заведении отключать». – Сколько можно уже?

– Слушай, господин Кублазон, у тебя разве много клиентов с таким гаджетом?

– Только ты.

– Так какого же…

– Специально для тебя табличку заказал, – осклабился черт.

– Сволочь ты.

Когтистый палец указал на другую табличку: «Сволочизм в заведении приветствуется».

Вздохнув, Малой сунул руку во внутренний карман плаща и щелкнул выключателем – депрессивный джаз стих, цветовой фон пришел в норму.

– Как дела, господин Магн?

– Лучше всех.

– А что такой хмурый? – Малой положил шляпу на стойку и глянул в свой тумблер, где бурлила какая-то мутная жижа. – Кто-то умер?

– Смысл.

– О. Это я удачно зашел.

Перед Каосом появился цветастый листок старомодной бумаги.

– Мой приятель устраивает шумную вечеринку через пару дней и приглашает тебя. Сходи, развейся.

– Приятель? Деревянный, что ли?

– Деревянный мне не приятель, а коллега. Я говорю о…

– А, эльф, – произнес Каос, – припоминаю. Гнусный развратный тип, водящий знакомство с порождениями иллитов. Я бы послал его в задницу, но боюсь, ему понравится.

– Не исключено. Пойдешь?

– С каких пор ты подрабатываешь посыльным, Малой?

– Ни с каких. У меня новое дело, а ты оказался по пути.

– Хм. А где твой пес?

– Снаружи. Говорит, здесь так воняет серой, что потом три дня нос не работает.

Господин Кублазон довольно хрюкнул.

Не получив осмысленного ответа на приглашение, Малой все же отчалил. Уже с улицы вновь послышался джаз. Ребенок, подумал Каос, трудно нагонять тоску, когда живешь в мире столь яркого солнца. И все же он старался.

– Сплошной поток бессвязных мыслей…

– Чего? – переспросил черт.

– Дай бутылку, я ухожу… И это, давай закрою счет.

Кублазон от удивления громко хрюкнул. Демон наливал мироходцу в долг десятилетиями, а теперь вот пожалуйста. Не к добру это было!

Остаток дня Каос Магн слонялся по городу. Оставаясь одиноким даже в пестрой толпе, серокожий медленно тянул кипучую дрянь из бутылки, полы его плаща мели улицы, за спиной на цепях болтался большой гроб, к поясу крепился патронташ и кобура с револьвером.

К тому времени, когда солнце Ахарии показало городу свою темную сторону и на мир снизошла ночь, он был уже на окраинах, а над его головой находился Большой Хаб.

Ах да, следует упомянуть, что география города имела некоторые особенности, из-за которых ему давали разные глупые имена. Десять лепестков титанического «бутона» приютили на себе районы Ахарии, и, как положено бутону, он регулярно «распускался» и «закрывался». Таким образом, ночами окраины оказывались подвешены крышами вниз над центром города. К счастью для местных обитателей, с гравитацией в Сиятельной Ахарии тоже были свои заморочки, и потому никому не приходилось лететь навстречу мостовой.

Он выбрал для ночных раздумий один из башенных флюгеров Метавселенского университета. Ахария была вокруг него, вечно живая, огромная и перенаселенная. Теперь она раскинулась на стенках внутренней сферы «бутона», устремляя крыши к центральной пустоте, по которой летали те из граждан, кои обладали такой возможностью. Каос швырнул бутылку вверх, она преодолела силу притяжения лепестка и упала вниз, на крышу Большого Хаба.

Тысячи циклов, думал мироходец, тысячи лет он скитался по Метавселенной. Тысячи лет он исполнял волю А?мон-Ши?, искупая Грех. Тысячи циклов он был отлучен от блага служения Пути и претерпевал боль от шипа, что пронзал его сердце под бронзовой печатью. Тысячи циклов абсолютной бессмысленности! А если учесть и все время, разменянное в разницах между временными параллелями, то счет увеличивался на порядки.

Каос заскрипел зубами, вены на его теле вздулись. Не кричать! Не кричать!!!

К счастью для ахарийцев, мысль о бессмысленности их существования пришла в его голову достаточно поздно, и существование сие продлилось еще ненадолго.

Под утро мрачный и злой мироходец брел кривыми улочками Каменного города, когда из подворотни показалась троица: ком желтоватой слизи с щупальцами и глазами, высоченный киборг с сияющими запчастями и какой-то гном.

– Эй, господин хороший, задержись-ка для короткого сеанса перераспределения материальных благ, пожалуйста, – обратился последний, поигрывая топором.

Правая рука киборга при этом трансформировалась в бластер, а вот слизень никак не изменился, разве что из желтоватого стал совсем прозрачным. Впрочем, именно этот парень оказался единственным из троицы, у кого оказались мозги. Их даже можно было рассмотреть.

Слизень громко захлюпал, обращаясь к товарищам, и немного отполз назад.

– Что? Да не мели ерунды, дело-то пле…

– Каддам[6 - Удар (панд.).], – произнес Каос, выбрасывая вперед кулак.

Незримый локомотив врезался в киборга и протащил его, роняющего детали, до конца улицы.

– Извини, обознались! – Гном попытался сбежать, но его пригнуло к земле избыточным давлением, отчего он вот-вот мог соединиться с мостовой всем своим организмом.

– А какой смысл? – пробормотал Каос, чьи зрачки вновь приобрели нормальный желтый цвет.

Когда он ушел, слизень выполз из канализационного стока и проверил состояние своих подельников. Железяку можно будет собрать обратно, а бородатый отделался общим шоком организма. Очень повезло! Вот после такого и начинаешь задумываться о том, что где-то на жизненном пути свернул не туда.

Стучась в двери дворца Деспотов, Каос Магн уже все решил. То есть ВСЕ решил. Судьба Метавселенной представлялась ему совершенно ясной, и мироходец точно знал, что ее ждало в самом ближайшем будущем.

Местная стража пыталась его задержать, но в основном увещеваниями, а не оружием: внутренняя отделка дворца не нуждалась в дополнительном тонком слое красного. Таким способом мироходец опустился в подвалы дворца и распечатал покои, в которых находилось главное сокровище Ахарии, ее главный государственный секрет – универсальные межмировые врата.

Огромные, намного более сложные и способные отправить не по одному адресу из загруженного в них списка, а к абсолютно любым другим вратам во всей Метавселенной. За этой десятигранной аркой находились миллиарды реалмов.

– Уже покидаешь нас, господин Магн?

Ильпильт Конам вошел в помещение.

– Не хочу злоупотреблять гостеприимством. Ты спал?

– Признаюсь, да.

– Хорошо.

– Ты невероятно тактичен.

– Хорошо то, что теперь я точно знаю – ты, бывает, спишь. В народе на эту тему нет единого мнения.

– Скажи, эту дверь нам тоже записать на твой счет?

Каос глянул на огромную металлическую створку, лежавшую под его стопами.

– Конам, в чем смысл жизни?

– О. – Деспот сложил на трости узкие ладони. – Как сказали бы тысячи мудрецов до меня и как скажут тыс…

– В чем смысл твоей жизни, Ильпильт Конам?

– Ах вот ты о чем. Нет в моей жизни смысла. У меня есть лишь функция – не больше и не меньше. И у тебя есть функция. И у каждого, кто хоть что-то значит в этом мире, есть своя функция…

– Роль.

– Да, можно и так сказать. Полагаю, досточтимый господин Магн, я ответил на твой вопрос?

– Ничего ты не понимаешь, Конам.

– Порой я и сам так думаю.

– Там, – Каос указал пальцем в случайную сторону, – за пределами этих стен лежит твой мир.

– Да.

– И ты думаешь, что он внутри, а снаружи – Пустота.

– Снаружи всех миров Пустота, господин Магн.

– В том-то и дело… – Глаза мироходца лихорадочно сверкнули, изуродованный бивнями рот искривился. – …что Пустота везде. И снаружи, и внутри! Пустота! Пшик! Ничего! Подумай об этом.

Он покинул Сиятельную Ахарию не прощаясь.

– Госпожа Магда.

– Да, милорд?

– Перенеси встречу с кетерским послом с обеда на утро. Мне кажется, мы на пороге очень интересных времен.

Тем временем…

В далеком-далеком мире, полном звезд, планетоидов, туманностей и комет, в безграничном вакууме дрейфовал корабль. Он имел длину более шестисот километров и молочно-белый корпус, усеянный неподвижными орудийными турелями.

Сопла движителей гиганта ожили впервые со времен рождения звезд, зажглись сигнальные огни и заработали все внутренние системы, загудел механизм пробуждения экипажа.

Андроиды, из которых он и состоял, напоминали людей, но их тела были безукоризненно белыми, бесполыми, а на лицах тускло блестели стеклянные глаза. Пробуждаясь, андроиды двигались к центру корабля, к огромной сфере, по сверкающей поверхности которой шла рябь помех.

Наконец долгое ожидание закончилось и из сферы донесся голос:

– Вас разбудили ради одной цели: найти и захватить Каоса Магна. Доставьте его сюда и поместите внутрь сферы. Вам позволено применять любую необходимую силу. В крайнем случае можете уничтожить его. Отправляйтесь.

Соблюдая четкий порядок, андроиды один за другим отправлялись на поиски в разные миры Метавселенной через распахивавшиеся в пространстве порталы.

Фрагмент 4

Самый скучный первый контакт в истории Метавселенной

– А хрена ли он такой бурый?

– Мм?..

– Ну он же Красная планета, верно? А здесь все коричневое! Я разочарован.

– Земля – тоже голубая планета, но на деле воды океанов не такие уж голубые, а почва континентов коричневая, серая… а еще песок, степи.

Вокруг них раскинулась бескрайняя каменистая пустыня разных оттенков охряного и бурого. Песок, камни, небольшие всхолмья и убитая линия горизонта: небо Марса мало отличалось от его земли из-за огромного количества пыли в атмосфере, но по вечерам, как сейчас, к примеру, если пыли было немного, выпадала возможность полюбоваться розоватым небосводом, с которого медленно уходило голубое солнце.

В начале прогулки Владимир создал участок пригодной для жизни атмосферы без пыли и радиации. Опущенный на марсианский грунт хомяк некоторое время шнырял по ландшафту, после чего высказал свои претензии. Каньоны и полюса Красной планеты ему тоже не особо понравились, так что друзья решили закончить осмотр и расположились на склоне Олимпа.

– И все-таки я не понимаю – как это работает? Ты бог или не бог?

Смоля очередную сигарету, Владимир обратил задумчивый взор в пустоту. Он не любил этого термина с тех самых пор, как оказался единственным существом во вселенной, к коему тот объективно подходил. Дело было в значении, которое люди вкладывали в слово «бог». Владимир не был тем богом, а в силу своей прагматичной натуры очень не хотел внушать кому-либо ложных надежд.

– Я – менеджер реальности, Кузя, вот что. Я… я как игрок в «Black & White»[7 - Компьютерная игра в жанре стратегии, являющаяся также симулятором бога. Игрок имеет на своем попечении отдельный народ, полностью подвластный его

воле, может творить чудеса и принимать жертвы.].

– Шикарная была игрушка.

– Отличная. Жаль, что Молинье потом скатился.

Оба вздохнули.

– И все же непонятно – как это с тобой произошло?

– Помнишь фильм «Брюс Всемогущий»?

– Ну.

– Все произошло совсем не так. Никто мне ничего не объяснял и не обещал, однажды я просто проснулся и понял, что что-то не так. В голове звучали чьи-то голоса, взгляд мог рассматривать отдельные атомы штукатурки на потолке, мысли всех вокруг были словно открытые книги, а дальше – больше. Я конкретно думал, что шизею, пока наконец не психанул и не стянул все пространство в космологическую сингулярность.

– И че?

– Че «че»? Знаешь, что случается с материей под большим давлением? Она раскаляется, Кузя.

– А. Знатно бомбануло?

– Про теорию Большого взрыва слышал? Так вот, Эйнштейн со товарищи в этом вопросе были теоретиками, а мне удалось попрактиковаться.

– О. И что потом?

– А ничего. Оказавшись один на один с новорожденной вселенной, я понял, что мне придется либо ждать еще миллиарды лет, чтобы оказаться в исходной точке своего обращения, то есть на новой Земле с новыми людьми, появление которых

весьма вероятно; либо откатить континуум к точке старта самостоятельно. Второе, к счастью, получилось. Потом я не раз так делал.

– Сильно косячил?

– Прилично.

Взяв друга на руки, Владимир переместился на орбиту Земли.

– На моей памяти этот мир погибал туеву хучу раз, и всегда я возвращался назад, чтобы попробовать сначала.

– Чего попробовать?

– Сделать хорошо, – ответил бог. – Но потом я образумился и просто умыл руки. Так и живем теперь.

Глаза-бусинки черного хомяка пристально следили за лицом Владимира, а тот раздумывал: не стоит ли выбросить окурок прямо в космос? Орбита Земли уже так захламлена, право слово, что один окурок погоды не сделает.

– Владик, я умер?

– Сам не помнишь?

– Смутно.

Владимир вздохнул.

– Хочешь посмотреть на свои похороны?

– А можно?

– Откачу время немного назад, и постоим в сторонке.

Так он и сделал – устроил друга на одном высоком надгробии, а сам отошел. Кузьма Фомичев некоторое время, не шевелясь, наблюдал, как его прежнее тело клали в землю и засыпали землей.

– Слушай, а это норма, что ты и здесь, и там одновременно? – спросил он наконец.

– Малышева его знает, норма это или нет. Ты ничего больше не хочешь спросить?

– Ну, опуская тот факт, что раньше я был толстенным бородатым мужиком, а теперь стал хомяком… А впрочем, нет. Я хочу знать – почему теперь я хомяк? Ты же всемогущий, верно?

– В определенном смысле.

– Так можно мне было не умирать на правах старого друга?

Владимир кивнул: он ждал этого вопроса.

– В мире полно людей, чьи жизни ни на что не влияют, но ты, Кузя, твоя жизнь… а вернее, смерть, оказалась краеугольным историческим событием. Если бы ты только знал, сколько раз я пытался все переиначить.

Хомяк удивленно почесал лапками мордочку.

– Я всегда знал, что во мне что-то такое есть. Ну, кроме лишних килограммов и страсти к рисованию неко-рабынь. И почему же мироздание так меня не переваривает?

– Дело не столько в тебе, сколько в череде событий, запущенной твоей смертью. Твой убийца сядет в тюрьму, а семья, которую он тиранил, вздохнет спокойнее. Его младший сын сможет нормально выучиться, станет биологом и проживет нормальную долгую жизнь без наркотиков. Его монографии мир не потрясут, но через семьдесят лет после его смерти двое других биологов выстроят на одной из них теорию, а потом изобретут лекарство от болезни Альцгеймера, которое спасет жизнь старому опытному кардиохирургу, который сделает операцию

ребенку, который станет прапрадедом будущего мирового лидера, великого объединителя, который поведет человечество в светлое будущее. Если же ты выживешь, Кузя, всего этого не случится. Просто не случится, и все. Я много чего перепробовал: ликвидировал Камнева сам, подсовывал эту монографию тем смышленым парням, даже ставил на твое место другого человека, но в итоге что-то шло не так. Последовательность событий была нарушена, в механизме оставалась ненужная деталь, уравнение мирового баланса начинало сыпаться, и мне приходилось поддерживать его структуру силой своей воли, пока все это не теряло смысл и я не откатывался назад. Так получилось, что ты должен был умереть.

Хомяк оглянулся на быстро выросший земляной холмик и на скорбящих людей, еще стоявших вокруг него.

– Засада. Ладно-ладно, не психую, ты меня знаешь, нервы как у галапагосской черепахи. Но – не сочти меня неблагодарным – ежели все было так плохо, то зачем ты вообще меня скопировал и сохранил в ужатом виде? Может, стоило понять, простить и отпустить…

– Куда? – спросил Владимир.

– Ну это тебе лучше знать. Все эти замуты с раем, адом или реинкарнацией, на худой конец…

– О нет, в этих вопросах, друже, я не компетентен. На Египет Казней не насылал, Деву Марию в ресторан не водил, а потом ее не танцевал, с Мухаммедом задушевных бесед не вел, в чертогах Вальхаллы валькирий не тискал и еще много чего не делал. Я не Яхве, не Саваоф, не Аллах, не Вотан, все это было – если вообще было – задолго до. Единственное, что я знаю о загробном мире, – как правило, каждый получает то, во что верил. А ты, Кузя, не верил ни во что.

И Владимир был прав, хотя дотоле Фомичев думал, что это известно лишь ему.

Кузьма был эталонным, сферическим в вакууме атеистом, совершенно искренне не верившим ни во что, что нельзя было увидеть, пощупать, измерить и объяснить. При этом он вел свойственную многим русским людям жизнь православного. Кузя участвовал в праздновании религиозных праздников, ходил в церковь на определенные церемонии и обряды, даже нательный крестик

носил, но при этом он никогда не верил в бога. И никогда ни с кем этого не обсуждал. Он был воцерковлен во младенчестве и просто жил так, как было принято в его семье, абсолютно равнодушный к любой религиозной тематике. После смерти же его ждала…

– Пустота – и забвение. Если веришь лишь в существование плоти, то его и получаешь.

Процесс захоронения подошел к концу, участники потянулись к автобусу.

– Ладно. Ладно. Теперь я живой хомяк. Что дальше?

– Поминки.

Владимир понимал, что нужно соблюдать дистанцию. Он абстрагировался, но не очень, всегда готовый оказаться рядом, если Кузьме это понадобится. То, что он сделал, было актом эгоизма. Никто его не просил переиначивать естественный ход вещей, ставить человека в положение, для коего этот человек самою природой не был приспособлен. Но он сделал это. Потому что устал смотреть на гибель друга и устал быть одиноким богом в мире, полном существ-однодневок. Теперь следовало нести ответ.

Кузя был предоставлен сам себе. Получив от Владимира совершенно неразрушимый прогулочный шар, делавший хомяка незримым и неосязаемым для окружающего мира, он крутился близ мест своей бывшей жизни. Наблюдал за своими родными, за Аленой. На ночь, как правило, приходил к своему божественному благодетелю. Сон для него был привычкой, за которую Кузьма все еще держался.

– Слушай, а может, я буду домашним животным? Ну, согласись, прикольный такой хомяк. Буду жить у Аленки. Или у племянницы. Она знаешь как хомяка хочет?

– Не прокатит, – ответил Владимир, накручивая на пластмассовую вилочку горячий доширак. – Кузя, тебя нет в мире. Ты не должен ни на что влиять, даже случайно.

– Да на что я могу влиять?! Я же хомяк!

– Все и всегда идет так, как должно. Иногда в механизме мироздания допустимы пробуксовки, но это как раз случай всех тех людей, которые не имеют особого смысла. А вот, допустим, о тебя споткнется человек, спешащий на работу, он пропускает свой трамвай и приезжает с опозданием на три минуты. А через два года в Финляндии происходит массовое убийство домашних животных. Об эффекте бабочки слышал?

– Э-э…

– То же самое, но в твоем случае это эффект хомяка.

Кузьма пошуршал у себя в гнезде, которое Владимир позволил ему свить на полке книжного шкафа, и затих. Но только на время.

– Постой-ка, Владик! Хочешь сказать, что все будущее мира записано в камне? То есть никакой свободы воли, выбора и всего прочего?

– Отчего же? Для тех, кто не ведает о том, как все работает, свобода воли полная. Знание определяет существование, чуешь?

– Маразм какой-то.

Владимир пожал плечами:

– Мир – это механизм, все детали которого работают, заставляя историю двигаться вперед. Каждый миг принимаются миллионы разных решений, каждое из которых ложится в общий порядок событий. Так все и происходит. Маразм – это верить, что все происходящее есть воля бога. Потому что всегда где-то происходит что-то ужасное. Помнишь, как взорвалась питерская подземка? Вот-вот. Люди творят всякую дичь друг с другом, и отдельные верующие начинают рвать на себе волосы, вопрошая: «Боже, за что?!» Бесят.

– То есть ты что, слышишь молитвы? А разве…

– Я могу слышать и видеть все, что говорится и деется в этом мире. По первому времени поток слов разрывал мозг в клочья, но потом я его обрубил.

Над головой художника на миг появился треугольный абрис с точкой в центре.

– Так вот, возвращаясь к эффекту хомяка, стоит какой-то важной шестеренке забуксовать в критический момент – и цепная реакция сломает все. Поверь, я много раз видел это. Я много раз делал это.

Кузьма уже слышал упоминания о том, что нынешнее мироздание лишь одно в череде многих погибших. В подробности Владимир не вдавался, но было видно, что мысли эти причиняли ему боль.

– Слушай, Владик, а тебе никогда не казалось, что у доширака запах и вкус напоминает подмышку?

– Чего?

– Подмышку потную.

Художник озадаченно посмотрел в тарелку. Спорить с Кузьмой в вопросах лапши было глупо, тот являлся экспертом, даже длиннопост про рамен у себя в бложике запилил весной семнадцатого.

– Мне вот кажется, – поделился хомяк. – Но, как ни парадоксально, это не делает его менее съедобным. Хотя, конечно, с куриным «Бизнес меню» не сравнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Переедаем с Бабишем», авторское кулинарное шоу, идущее на одноименном канале на сайте YouTube. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Геоход – подземная лодка (лат. Subterrina).

3

Примерно один час по-басилптестийски.

4

Главным числительным мерилом (даже в процентном эквиваленте) для басилпов является 6, а не 10, так что, в переводе на человеческий образ мысли, энергоячейка имела примерно шестьдесят восемь процентов от полного заряда.

5

Так называемые Первые люди, или атла?ны, из коих брала свое начало семья Конам, издревле считали признаком родовитости очень длинные ухоженные брови.

6

Удар (панд.).

7

Компьютерная игра в жанре стратегии, являющаяся также симулятором бога. Игрок имеет на своем попечении отдельный народ, полностью подвластный его воле, может творить чудеса и принимать жертвы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krymov_il-ya/mirohodcy-pustota-snaruzhi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить